

Годы 1937—1938

Это черное время не обошло и нашу семью. Пострадала сестра Вера. В январе 1938 года арестовали ее мужа Григория Николаевича Прокопчука, крупного инженера, работавшего ранее на электростанции под Москвой в г. Сталиногорске. Увели рано утром, быстро, он даже не успел проститься, но только молча пожал Вере руку. Она осталась с приемным сыном, сыном Григория Николаевича от первого брака, Юрой семи лет.

Мать Юры рассталась с Григорием Николаевичем года три назад, в 1937 году осенью была арестована и сослана куда-то на север. Она вернулась из лагеря уже после Великой Отечественной войны, больная туберкулезом, в последней стадии чахотки. Жить в Москве ей было запрещено, она поселилась в г. Ярославле-Залесском (г. Переславль-Залесский), быстро умерла. В 1937-м были также арестованы тетка и дядя Юры, которые жили вместе с его матерью. Это была семья Слепцовых (Слепковых). Они не вернулись, остался сын, несколько старше Юры, который потом погиб на фронте. В 1937-м два мальчика остались у бабушки — матери жены Григория Николаевича.

Бабушка Юрия Григорьевича была старая революционерка-подпольщица. Фамилии ее я не знаю (Александра Александровна Шалахова). Она была очень близко знакома и даже дружила со старыми большевиками — Бухариным, Зиновьевым, Каменевым. Они нередко собирались в домашнем кругу, для развлечения играли в карты. При Сталине эти посещения прекратились, а семья бабушки была взята под дозорение. Было объявлено, что у нее явочная квартира.

Бабушка не могла прокормить двух внуков после ареста дочери и обратилась к Григорию Николаевичу за помощью. Он взял сына, но через полгода сам был увезен. Так Вера стала одна воспитывать Юру. Она очень любила его в память о муже, хотя он много доставлял ей неприятных забот. Уже будучи взрослым, Юра всегда очень тепло отзывался о Вере и перенес свои добрые чувства и на мою семью. Он был на один год старше Коли. Летом 1938-го мы взяли его гостить к нам, потом он жил у нас летом в 1939 и 1940 годах.

56

Время было страшное, но никто не верил, что аресты были без причины, без повода, и поэтому думали, что мы не виноваты, нас не возьмут. Но когда аресты стали массовые и по должностным признакам (например, в одну ночь взяли директоров вузов города Воронежа, затем группу врачей и т.п.), то поняли, что здесь что-то другое. Люди стали бояться и сторониться друг друга, а те, у кого был арестован кто-то из семьи, вовсе стали изгоями. Обычно сперва арестовывали одного члена семьи, например мужа, затем очень часто — жену. Детей отправляли в специальные детские дома, брать родственникам запрещалось в ряде случаев. Это зависело от ретивости работников ГПУ, иногда детей оставляли.

Почему-то это обошло Веру. Хотя мы все очень боялись за нее. Ее уволили с работы «по собственному желанию», то есть обрекли на голод — таких людей на работу не принимали. Позднее, когда Вера уже добилась реабилитации мужа в 50-е годы, она узнала, что будто бы она подлежала аресту, но ее спас шофер Григория Николаевича, который доказал, что Вера ни в чем не виновата. Однако Г.Н. Прокопчук также ни в чем не обвинялся, он просто был убит. Чтобы Вера могла жить, я посылала ей часть своей зарплаты. Через пол-

года ее приняли на самую низшую должность, но затем она заняла свое прежнее место.

Городское хозяйство было нарушено, часты были перебои с электричеством, тогда останавливались трамваи. Однажды вечером я возвращалась из Воронежа домой, и, не доезжая нескольких остановок, трамвай стал. Я вышла вместе с попутчиком, нашим соседом по квартире. Мы шли полем до дома, оживленно с ним беседовали, затем расстались на лестничной клетке: моя квартира была направо, его налево. Утром мы узнали, что он арестован. Оказывается, за ним пришли, когда его не было дома. В то время, когда мы с ним возвращались, его уже ждали, как в засаде, в квартире. Уже во время Великой Отечественной мы узнали, что в черном списке был и В.Ф. Васильев. Его брат, Борис Феофилактович, в Латвии был подпольным членом партии большевиков, и это спасло моего мужа от ареста. О партийности Бориса мы узнали только от него самого, когда он появился у нас в Воронеже после ранения в 1941 году.

57

Владимир Феофилактович при последнем свидании с сыном в 1950 году рассказал иную версию. По его словам, он избежал ареста благодаря благородству и смелости секретаря парторганизации СХИ Карпенко, которого принуждали писать донос на Владимира Феофилактовича, но Карпенко отказался.

Люди боялись друг друга, избегали общаться, опасались сказать чего-либо лишнего. Этот страх так глубоко запал в души людей, что потом долгие годы сталинского режима мы не могли избавиться от скованности и поверить в свою безопасность. И после смерти Сталина некоторое время держалось это неверие.

В Орловке арестовали молодого агронома Володю Маклецова, затем его молоденькую жену Ниночку. Полуторагодовую дочь не позволили взять родственникам, отдали в детдом. Перед самой Великой Отечественной войной Володю выпустили и тотчас взяли на фронт. Наверное, потому и выпустили. Ниночка была в тюрьме около года. Когда она вернулась, это была постаревшая седая женщина, с глазами, полными страдания. Она мне сказала, что за десять месяцев

заклучения ее ни разу не вызывали на допрос (по счастью! Верно, попался следователь, еще не потерявший окончательно совесть), а потом выпустили, не предъявив никакого обвинения. Хорошо, что выпустили, видно, у кого-то все же заговорила совесть! Ребенка она искала долго, потому что девочку перебрасывали из одного детского дома в другой, она ее обнаружила где-то уже за пределами Воронежской области. Сколько горя, сколько людских слез и безвинно погибших людей, разоренных семей!

В те годы в агрономии расцветали теории Лысенко. Сам он стал главным заправилкой в науке, после того как погубил подло ряд крупнейших ученых-биологов: Н.И. Вавилова, Н.А. Максимова, Сабина и других. Было приказано всем агрономам проводить яровизацию семян злаковых. Помню, районный агроном, женщина мне не знакомая, плакала в Орловке у меня на груди и в слезах говорила, что скоро ее арестуют, потому что приказано яровизировать просо, что не удастся, и ее обвинят во вредительстве. По рецепту Лысенко яровизация проса проводилась теплом: увлажненное зерно сгребали в кучи, в которых нужно было поддерживать определенную температуру. При отсутствии всякой техники это не удавалось, семена прорастали и гибли.

Аресты проводились плановые, то есть на каждый район определялось определенное количество арестованных. Брали обычно людей, которые пользовались авторитетом: военных, профессоров, директоров, крупных врачей и т.д. Многие, чувствуя опасность, стремились избежать ее, скрыться, для этого уезжали и вели кочевой образ жизни. Так как по большей части арестовывали без вины, то уехавших не разыскивали. Таким путем избежал ареста профессор П.В. Савостин из Томска, который был в близких отношениях с председателем обкома Новосибирской области Эйхе. Этот коммунист был арестован и расстрелян (впоследствии реабилитирован). Савостин быстро уехал в Среднюю Азию, затем в Москву, в Воронеж. Так он провел 1937 год и спасся. Директор опытной станции Орловка Алексей Михайлович Пыжов также успел уехать и уцелел. Директора СХИ, педагогического института г. Воронежа, в котором я работала, были арестованы и убиты.

Во главе ГПУ стоял Ежов. По городу висели плакаты с изображением «ежовых рукавиц» и соответствующими надписями. Нарисован был колючий кулак, который сжимал фигуры людей, и из них капала кровь. Более кощунственных плакатов придумать было нельзя! В 1938 году массовые аресты стали уменьшаться, но за кулисами продолжались. В 1941 году, перед Великой Отечественной войной, в застенке по наущению Лысенко был зверски замучен светило нашей биологической науки, благородный, обаятельный человек Николай Иванович Вавилов.

Перед Великой Отечественной в соседстве с опытной станцией Орловка, в психбольнице, которая размещалась поблизости, появилась группа немцев-врачей. Приехало несколько семей, мужья с женами. Официально числилось, что они политические эмигранты из Германии и просили в СССР политического убежища. Часть молодых специалистов Орловки познакомилась с ними. Я очень быстро убедилась, что они безнравственны и развратны, что так не вязалось с моим старым представлением о скромности немецких геттен. Еженедельно устраивались попойки, которые кончались блудом и «афинскими ночами». Я избегала этого общества, хотя первоначально меня и приглашали, как знавшую немецкий язык. С немцами беседовали только евреи, они понимали друг друга. С приближением войны и моим уходом из Орловки я потеряла этих немцев из виду. До сих пор не уверена, что это были политические эмигранты, а если и были, то являли собой далеко не лучшие примеры своего народа. Может, это были провокаторы?

Едва успели обыватели вздохнуть после массовых репрессий 1937–1938 годов, как нагрянула война. Перед 1941 годом экономика только начала устанавливаться, появились некоторые промтовары, но карточная система на продукты сохранялась. Все еще занимались огородничеством, раскапывали землю возле домов, сажали овощи. Моя семья решила летом 1941 года отдохнуть. Но события развернулись иначе.